

ВОЛГОГРАДСКАЯ ОБЛАСТЬ

Свадебная игра волжских казаков Камышинского муниципального района Волгоградской области

Описание предоставлено Волгоградским областным центром народного творчества

Автор описания: кандидат исторических наук, профессор, специалист по жанрам творчества ГБУК «Волгоградский областной центр народного творчества» Сергей Юрьевич Пальгов

КАТЕГОРИЯ ОБЪЕКТА

Мифологические представления и верования, этнографические комплексы / Обряды и обрядовые комплексы / Обряды жизненного (семейно-бытового) цикла / Свадебный

ЭТНИЧЕСКАЯ ПРИНАДЛЕЖНОСТЬ

Казаки

ЯЗЫК

Русский, наречие – южнорусское, волжские говоры

КОНФЕССИОНАЛЬНАЯ ПРИНАДЛЕЖНОСТЬ

Православие

МЕСТО БЫТОВАНИЯ

Волгоградская область, Камышинский район, село Гусёлка, село Соломатино, село Дворянское, село Таловка

Русские села Камышинского района территориально расположены недалеко друг от друга. Традиция заключения брака между жителями соседних населенных пунктов во второй половине XX в. была еще сильна, в связи с чем свадебные ритуалы близки друг другу по семантике обрядовых действий, по использованию приуроченных свадебных народных песен в строго определенные моменты игры.

Материалом для исследования послужили интервью, записи, выполненные в ходе полевой работы в сентябре 2006 г. в сёлах Гусёлка, Соломатино, Дворянское, Таловка Камышинского муниципального района Волгоградской области. Возрастной ценз информаторов колебался от 52 до 84 лет.

Сватовство. Сватать невесту приходили жених со свахой. Сваха сразу садилась на стул под матку и начинала иносказательно свою беседу.

«Сватают, приходят. Жених заходит в спальню к невесте. Сидят, ждут. Тут сваха перво-наперво как заходить, сейчас скорей стул глядит глазами и под матку садится.»

Сваха садится под матку. Ну и начинают разговаривать. Кто как говорит. Кто говорит: – Бычок убежал! А кто говорит: – Голубь улетел. – А у вас есть голубка. – Вот видали, что сюда залетел.

Ну, посмеются, поговорят, а там начинают договариваться. Выводят молодых. – Ну, ты берешь? Согласен ты брат? – Согласен. Беру я. – А ты идешь? – Иду.

Ну и не нужны теперь молодые. По стакану им подносят. Они там выпьют-не выпьют. Жених обычно выпивает. И всё. И больше молодёжь тут не нужна. Их согласия спросили. И пошли сажать за стол сватов. Сажают за стол, “запой”, гулянка идёт. В этот же вечер идут к жениху. Это гуляли у невесты, потом идут к жениху. Больше не гуляют» [1, с. Таловка].

На предсватовство родители жениха не ходили, а посылали родственников и соседей.

«Свататься идут не родители, а посылают самых близких. Родители жениха не ходят, а ходят иль же самый старший брат со своей женой. Соседей берут, идут свататься. Пока договорятся. А когда договорятся, потом уже родители приходят, потому что верки-то нет вроде этим людям, шоб родители пришли. Эт’ когда хотим, давайте завтра придём, посватаем, тогда уже приходят родители. Сначала придут они, поговорят, а потом уже родители приходят. Уже усватают. Тут посидят, выпьют, к невесте пришли и потом идут к жениху» [2, с. Гусёлка].

Если же у парня не было родни, то роль свахи в с. Дворянском исполняла ближайшая соседка. Она обо всём и договаривалась.

«Свадьбу играли так... Вот я женю сына, родни нет, посылаю соседку. – Иди, скажи вот Ивановым, что, можно прийти вечером? Пойдем сватать! Засылаешь днем, чтоб люди приготовились. Ну, она приходит: “Я вот к вам с новостями пришла... Отдадите за Ваньку?” Они: “Да, отдадим. Можно придать”. Она приходит (я же ее присылала): “Велели придать”. Вечер пришел. Пошли, усватали. Договариваются, когда свадьба, когда вечерка, когда за венком идти. В первую очередь, значаща, выпили» [3, с. Дворянское].

Жительница села Гусёлка Копылова Е.П. утверждала, что на сватовстве присутствовали жених с родной матерью и родственниками. Ходили всегда вечером. Праздничный стол накрывала невестина родня, бутылку спиртного приносил жених.

«Жених приходит с матери с' своей, кто ещё родные приходят к невесте сватать. Вечером. Кто как, кто днём, кто вечером. Осенью всегда играли свадьбы, а потом весной в разные времена. В пост не играли. Родители между собой, сваха, сват начинают, говорят: "Мы берем вашу дочь за сына за своего". Мои родители говорят: "Ладно, мы не против, что она идёт за него". Потом тогда назначают свадьбу. Сначала познакомятся. Походили, потом жениться надо. Родители сошлись, поговорили. И через месяц свадьба. Мы приготовили чё там на стол: картошку с мясом, огурцы, помидоры, такое всё. Бутылку приносит жених, а наши – закуску» [4, с. Гусёлка].

«Родители жениха бутылку обычно приносят и хлеб с солью. У невесты стол готов. Капуста, картошка, помидоры, огурцы, сало нарежут. Таких закруток не было. Тогда в погреб спустились, капусту достали, помидоры достали с бочки, огурцы. Ставят сразу бутылку, хлеб с солью на стол. – Вот пришли. Так и так.

Начинают родители.

– Раз жених с невестой не против, значит и мы не против. Жениха с невестой не сажали. Мы в чулане сидели вдвоём. И крёстные ходили.

– Мы пришли с хлебом, с солью! Заранее же приходили, значить уже согласие есть, тут уже куда ни дениси. Вывели жениха.

– Ты её берешь? – Бяру. – Ты идёшь? – Иду» [2, с. Гусёлка].

Центральная матица – обязательное место, под которым во время сватовства сидела главная сваха. В ходе ритуала она тайно совершала действия (например, тряпочкой смахивала водичку с окна и прятала себе в карман), направленные на удачный исход всего мероприятия.

«Приходили сватать родители, его родственники, два-три человека приходили, договаривались. Там под матицу надо было садиться. Вот приходит сваха главная и садится под центральную матицу. И должна она, вот когда на окна течёт водичка, вот тряпочку, а она должна в карман себе подсунуть. Если она возьмёт чё-то, то обязательно отдадут за неё. В клуб же ходили мы. Свататься, в

основном, вечером ходили, к вечеру. Вот в нашей деревне днём никогда не ходили. Знали, что придут сватать, но приходили всегда вечером. Заходили. Пришла свекровь моя будущая, её сестра пришла. – Василь Макеич, Дарья Макевна, наши дети дружат, давайте мы их поженим! Дальше накрывали стол невестина сторона. Те приносили чё-то, ну бутылку ли, литр ли, но приносили. Они видать бутылку ставили, собирала на стол моя мама. Вот собрала, мы угостили, а потом они приглашали нас туда. По-моему, не на этот день, на другой день мы ходили. В Гусёлке это называется «печку глядеть». Хлеб они разрезали» [5, с. Гусёлка].

Затем шли в гости к жениху «печку глядеть». Теперь столы накрывали родственники жениха.

«Встречает кто может. На дом ходил кавалер. Потом пришло сватьев. Усватуют эту невесту. Отец, мать, каких кумовьев назначали. Человек пять-шесть приходило. Вот тут все усватили, выпили, пошли печку у жениха топить вечером, по-тёмному, свечеряет. – Проходите, проходите! Уж готовится каждый, на стол ставят. Усватили, выпили, пошли «печь глядеть». Сразу ж вечером было. Усватили, всё договорились и пошли «печку глядеть». А потом дня через три может, договариваются, когда свадьбу играть. Это называется «сватья». Собираются, знали же, если сватать, значит приходят «печку глядеть». Усватили, договорились, погуляли. А жених уже с этой невестой знали, что «сватья», вот и пришли. Ну, пойдём теперь к свату в гости «печку глядеть». Гармонь играет, песни поют. Столы накрывают родственники жениха. Квас ставят, компот, пироги с грушами» [6, с. Гусёлка].

«В этот же день, в этот же вечер идут к жениху, как обычно, «печь смотреть». Как невеста будет в печке готовить. Пошли потом к жениху «печку смотреть».

С.Ю. – Через какое время свадьба?

Е.И. – Это уже потом отец с матерью договариваются, недели две ли, три ли, как невесту надо подготовить» [2, с. Гусёлка].

Обрядовое действие «печку смотреть» могло происходить и на следующий день. В этот же день шли к невесте – «**обмен избы происходит**». Договаривались о дне свадьбы, о приданом. Обязательно смотрели убранство в доме будущей жены, достаток семьи тестя и тещи.

«Сначала запой сделали, у жениха побыли и идут “печь глядеть” к невесте, сразу же. Тоже так же гуляют, готовятся, песни поют, всегда гармонь в селе. У нас голосовые песни пели. Донские, протяжные. Молодежь идёт, пляшут под гармонь, припевки всякие. А идут старые люди пожилые голосовые песни играют. “Шумел камыш” – это голосовая песня» [4, с. Гусёлка].

«На другой день приходят, начинают там кто чай становить, кто и похмеляться обязательно и договариваются, когда свадьба. “Обмен избы” идёт. Когда свадьба, какие занавески вешать на двери, на окна. Все эта сваха специально назначила. Русская печка была. Придут, полезут туда и сажу смотрят. Чисто ли у молодки иль нет? К этому времени стараются, чтоб все почистить. Ну, вот мы еще обмерили, “печку поглядели”, и они уходят, а через две недели обычно. Да, две-три недели и всё – назначена свадьба» [1, с. Таловка].

«Сиделки». После сватовства жених ежедневно ходил к своей избраннице в гости.

«Ну, на сиделках и носки вязали, и кружева вязали девчонки. Кто в карты играл, кто пряд, кто чё делал. Своими дялами. Девчонки раньше кружева вязали, вышивали. И подзорники к койке. И свояченицы помогали» [7, с. Гусёлка].

Близкие подруги могли помогать невесте готовить приданое и подарки для будущих свекрови и свёкра.

«Ну, кто ей может помогать, если только её своячени, девчата, подруги самые близкие. Они ей могут связать чё-то. А так отец с матерью. Ну и все. Время провели. И все расходятся по домам. Бугор семечек, кожурков наплюют. И потом вымятаешь. Это невеста сидит невестой. Это уже придешь в клуб. Танцуют, потом говорят: “Пойдемте к невесте на посиделки”. Тут уже хоть ты нужен, хоть не нужен, открывают дверь, проходишь. Полна избушка народу, кто где сидит. Сидят, смеются. Кто в карты играет, кто носок вяжет. Время-то надо проводить. Семечки грызут, вяжут, в карты кто поиграет, анекдоты. Посидят, посмеются, а потом начинают потихоньку расходиться. Ни один раз, всю неделю. Три недели она сидит. Три недели к невесте ходят на сиделки. Вот когда зеркало своячени несут к жениху, там жених уже или по коробке

конфет покупает этим девчатам, или духи, помаду, кто что может и дарят. А невеста приносит обязательно жениху рубашку. Своячени приходят, приносят жениху рубашку. Вот идут утром. Своячени сначала отнесут зеркало, а потом уже за сундуком приезжают. У нас всё в один день. И свояченицы ходят, и сундук отвезут, и потом у жениха отгуляют, а на другой день у невесты гуляют. Ну, там надали мне два метра на кофточку, на рубашечку. Но все-таки я свекрови сшила, а все-таки взялась и сшила кофточку ей из того, что надали» [1, с. Таловка].

В с. Гуселка подруги на каждой посиделке заплетали девушке-невесте косы. В этот момент она могла плакать, причитать.

«Эт' вот когда замуж собирают. Свадьба пускай через неделю будет, а у нас сидели, как посиделки. Собирались. И невесты (тогда же волосы были длинные) плятут каждый день подружки, заплетают волосы, и она, невеста, сидит, вопит, плачет. Она не на мотив, ну как плачет, приговаривает» [7, с. Гуселка].

«Вечерка». Жених собирал вечерку, на которую приходили подруги и друзья молодожёнов. После окончания все уходили, жених оставался ночевать в доме невесты.

«Жених стал ежедневно ходить. Через три дня, через пять дней, когда договорились, в любой день. Жених собирает вечерку, у жениха. Если нет, он сымает дом большой, а если свой большой – у себя. И вот идут званые и незваные – все пляшут. Потом были вот такие блюда ровные, большие. Смешивают подсолнышные семечки, тыквенные семечки, конфеты. Жених выйдет и говорит: “Танцы закончены”. Все в ряд встанут. Выходит его мать с этим блюдом и угощает всех. Каждый берёт. Плясали: и вальсы, и били русского “Трепака”. Там опять сколько поплясали, наоборот её мать выходит, угощает. Жених выходит: “Минутку, приглашённые – оставайтесь, а неприглашённые – свободны”. Уходят. Идут все к жениху, и он угощает там. Родители все подадут и уйдут. И вино там, и водку, и закуску... И остаются парами ночевать. Ну, они всю ночь не спят, а на полу постеляют, бал'ваются» [3, с. Дворянское].

Без гармониста не проходила ни одна вечеринка.

«Когда сосватают, и жених всю неделю ходит к ней ночевать. Вместе они не спят, но ходит он, в этом доме ночует. Невесту собрали, мы все ждём жениха. Жених идёт с ребятами. Приходят. Первым делом мы танцевали. Гармошка играет, мы танцуем. И фокстроты, и вальсы, краковяк, польку-бабочку. Часа два либо три, а потом за стол посадят. Не везде. Если там нальют по граммулечке – эт' стопочка. Закуска ставится. Капуста-пилюска, винегрет. Мясного не было, компот обязательно. Ну и пироги были. Танцевали, песни пели, когда за стол сели. Нас вот угостили, за столом посидели. За неделю до свадьбы. У невесты. Жених идёт, вот у него должен шарф какой-то быть распущенный. Белый иль жёлтый, какой есть. Тут почти все девчонки собираются, а он идёт с ребятами и гармонист. За неделю до свадьбы, по воскресеньям же свадьбы гуляли, у нас молодёжь собирали. Без выпивки пели, плясали, музыка играла. Это за неделю. Называется «вечерянки», не вечёрки, а вечерянки» [5, с. Гусёлка].

«Сиделки были. Усватали, значит у невесты посиделки. Играл, пели под гармонь, семечки грызли» [6, с. Гусёлка].

Баня. За день до свадьбы, в субботу, невесту вели в баню. Наряжали веник, украшали его ленточками. Впереди торжественной процессии шла девушка с наряженным веником.

«А подходила суббота, в воскресенье завтра свадьба. И вот невесту собирали, одевали вот её как обычно в баню идти. Веник наряжали, прям веник, почти голик и нацепляли на него тряпочек таких разных. Девчонки частушки пели. Вели в баню. Выходили в баню. Потом оттуда приходили, чай попили и всё. А веник он чё-то значил. Несли веник. Невесту ту приготовили для бани. Выходит девушка первая с веником, все гурьбой мы идём. Невесту одели, подают ей одежду всю. Но одежда не праздничная, а вот в чём мы ходили, пальто какое-ни'ть старенькое, платочек на тебя и всё, повели в баню меня. Тут из бани пришли, смеялись мы много, шутки, пели. В саму баню мы не ходили, мы просто делали вид, что в баню вот невесту сводили, а в саму баню мы даже не заходили. Мы пришли в баню, посмеялись, пошутили и пришли, а купаться мы не купались. Уже заранее она искупана» [6, с. Гусёлка].

За приготовленным женихом красивым веником приходили подружки невесты. В доме молодого совершался выкуп веника.

«Теперь назначают за веником идти к жениху. От невести две-три девчонки идут к жениху. Невеста дома. Пляшут, поют. – Мы пришли за веником! Их сажают. Жених выносит веник березовый. А на венике всякие-всякие тряпочки навязаны.

– Кто лучше спляшет, тому и веник.

Выходит подруга плясать. Не понравилась – ещё, ещё. Вот сережки выпляшут, гребёнку ей купит, помаду. Угостят тут их, за стол посадят. Тогда он там штуки три-четыре друга самых корянных, идут подруги к невесте. Там их угостят. А потом договариваются: на какой день свадьба, постель» [3, с. Дворянское].

Приданое. Постель невесты была уже собрана к моменту свадьбы. «Своячине» сначала несли зеркало к жениху. Вешали и накрывали его полотенцем, украшали кружевами постель, делали уборку в комнате молодожёнов. Гармонист обязательно присутствовал в этот момент ритуала.

«Постель вся, подушки, одеялы, матрасы, шифоньер, по мебели, сундук, гардины, иторки. В основном сундуки были. Сначала едут своячине. Они едут, несут зеркало. Отнесут зеркало сначала, а потом всё убирают дома. Жених приезжает, забирает сундук и везет утром. Када это день свадьбы, жених там на лошадях. А своячине зеркало нясут, и потом всё убирают в доме у жениха. Зеркало принесут, привезут сундук и начинают убирать всё. Постель, гардины вешать, если есть конечно. Зеркала вся в цветах. Я сама была своячиной. Нас встретили с этим зеркалом и там нас угощают. Мы его заносим, отдаём жениху. Ленты он нам даёт, дарит нам, что мы принесли зеркало. Вешают они его. Мы, например, ходили с гармони. Идём, несём зеркала, а у нас гармонист с нами. Мы идём, поём прибаутки разные» [4, с. Гусёлка].

«Невеста готовилась. А зеркало несли две своячницы, по бокам встали, полотенцем накрывали, кружевами и иторками. Перина, матрас, два одеяла, игрушки [входило в приданое невесты. – Авт.]» [2, с. Гусёлка].

Родственники невесты везли приданое и просили у жениха за него выкуп.

«Подъехала повозка, поставили мой сундук, поставили кровать. У меня кровать была железная. Ну, перину, матрац, две подушки, одеяла. А там уже в сундуке лежат занавески.

Ширма была раньше, тогда ведь чуланов не было. Ширмами загораживали раньше. Ну и все. И повезли. Да утром приехали, забрали все. Туда отвезли. И начинают там гулять. А потом жених приезжает уже за невестой. Сначала вещи. А за вещами приезжает это ни с его стороны, а с моей стороны едут на телеге. У нас, у папе, была пара лошадей своих. Женщины такие, кого я знала: – Ты поедешь, ты поедешь. Ну, конечно не чужие, а свои. Все родственники, тетки там или племянницы, иль сестры там есть. Вот они едут и везут. С подушками размахивают, с гармонии и едут к жениху. К жениху приезжают, там начинают их выкуп что ль просят.

– Вот сколько мы вам привезли, давай по сто грамм!

По сто грамм наливают, потом начинают тащить эти шабалы. Молоток у них, гвозди у них. Занавески прибывают. И такое бывает [задевают об углы сундуком, когда его проносят в комнату. – Авт.], шумят иногда. Вот кому выпить хочется, чтоб побольше стопку налить. Вот так кричат они.

– Не лезить! Не пролазить! Не входит!

За это ставят рюмку» [2, с. Гусёлка].

«Постель в пятницу. И вечером перевозят молодую невесту. За постелью приезжают. На лошадях приехали за невестой. Приданое погрузили. А люди, кто приехал, все постель несут на руках, все шабалы трясут. А что тяжёлое там есть – сундук, зеркало, перина – это на лошадях везут. А эти шабалы, всё вот эта показывают, всё трясли. Вот поглядите! Пляшут с гармошкой. Ну, а вот когда подъезжали к жениху (уже привезли эту постель), там встречают его свашки...

– Не лезть!

Вообщем понапьются, поизваляют всю эту постель. А при этом все частушки. Когда постель несли, тута гармошка разрывалась, пели частушки, припевали, кто что знает. [Поют «Мине сватали сваты»]. Постель привезли, повесили на окна, все повесили. Койку у молодки уберут.

Мене сватали сваты,

Просили приданого,

Меня тятька отказал –

Кобеля буланого» [1, с. Таловка].

В приданое невесты входил шифоньер, сундук. В двери всё это не проходило, и родственники невесты требовали топор, чтобы дверные косяки расширить.

«Вечером вязут постель настайках, на лошадах иль на машине. Поют “Молодка молоденькая”.

*Молодка, молодка молоденькья,
Не с кем мне, молодке, ночку ночевать.
Ночку ночевать, темну переспать.
Ляжу спать одна – берет грусть-тоска.
Грусть-тоска берет(ы), далек мил живет.
Далеко-далеко – на той стороне.
На той стороне – не близко ко мне.*

*Привозют, постновят шифоньер иль там сундук.
– Не проходят в дверь, не пускают косяки.
– Несите топор, будем сейчас косяки рубить.
– Нет, нет, не надо! Наме, наме! Не надо нам косяки
работу давать! А тут перина, подушки.
– Только пусть жених выходит перину брать.
– Нет, нет! Тяжелое, не поднимет, жених надорвется.
Надо обмыть! Наливают. Он заносит» [3, с. Дворянское].*

День венца. Утро. В день венца невеста, выдаваемая не по любви, могла «вопить».

«Невеста вопила. Сосватают, например, невесту и назначают ей день свадьбы. Согласна она, не согласна – её отдают замуж» [8, с. Соломатино].

Невеста-сирота ходила на кладбище, где просила благословления у покойных родителей. При этом свою просьбу она сопровождала причетом.

«Она, невеста, сидит и кричит. Она идет на могилу. У отца или у матери благословления просит. Да, она вопила, и этим воплем она приговаривала» [8, с. Соломатино].

Ближайшие подружки приходили в дом невесты, где готовили подругу к встрече с суженым. Родители благословляли дочь на брак.

«А в день свадьбы, когда благословят родители и сажают перед тем, как жених приходит за невестой. [Звучит песня «Ты река ль, наша реченька»]. Вот эти вот слова я немножко помню. Когда благословляют, обыгрывают подружки невесту.

*Ты река ли, наша реченька,
Что ж ты течешь, не колыхнешься?
Раздуша ли, наша Машенька,
Что ж ты сидишь, не улыбнешься?*

– Вечор меня сваты сватали,
Меня мамынька просватала.
Мамынька просватала
За удалыва доб(ы)ра моладыца» [8, с. Соломатино].

«Невеста сидит за столом, ее посадили. И вокруг нее сели подружки, а бабушки, соседи рядышком. Плачет невеста, поёт» [1, с. Таловка].

Если девушка не хотела выходить замуж, она вопила.

«Тогда ж не по любви женились, выходили замуж... Нарекли мать с отцом, а невеста не хотела замуж выходить за этого. И вот она вопила. Это мать давно мне говорила.

– Милая моя мамушка,
Кормилец ты мой тятенька,
Чем я вас согрubiла,
Или гронь улицы я вас одолела,
Иль светлым платьицем я вас обносила.
Не прошу я у вас светного платьица поносить,
А прошу я у вас красной девицей пожить.
Придёт вясна, взойдёт красна солнушка,
Мои подруженьки собярутся,
Пойдут в лес зелёный весёлые.
Йих цвятки стоят во долинушке,
А мой святок стоит запылённый,
Закопченный, в горькой полынушке.
– А вы, мои подруженьки, яво не рвiтiя,
Выкопайте вы яво под самый коряшочек,
Принясите вы яво родимой мамушке.
– А ты, моя мамушка,
Прими яво за меня горькую, несчастную.
Посадите вы яво под красно окошечко,
Где красная девица любовалась.
Не огораживайте вы яво ни плятнём, ни частоколом,
Не поливайте вы яво ни росой, ни ключевой водою.
А я из чужих людей приду,
Огорожу яво большим горем,
Оболью яво горячьми слязами.
Милая моя мамушка,
Родимый мой тятенька,
Сходите вы к быстрой речке,
Спросите белого гуся.
Как яму спротив волнов плыть,
Так и мне к чужим людям иттить,

*Чужим людям угодить.
Пройду я по избе тихо –
Скажут: “Какая снолая!”
Пойду я по избе быстро –
Скажут: “Какая бойкая!”» [7, с. Гусёлка].*

Народные исполнители приурочили к моменту благословления невесты песню М.Н. Мордасовой «Ох, проходили, прогуляли».

*Ох, походили, прогуляли,
Ох, да подружку потеряли.
Ох, раз-йй-йй-йй-йй-йй-йй-йй-йй.
Коротка ты, девичья волька,
Ох, погулять да еще столько.
Ох, раз-йй-йй-йй-йй-йй-йй-йй-йй.
Ох, прокатились годочки,
Ох, развеселые денечки.
Ох, раз-йй-йй-йй-йй-йй-йй-йй-йй.
Ох, папаша да мамаша,
Я теперь уж дочь не ваша.
Ох, раз-йй-йй-йй-йй-йй-йй-йй-йй.
Ох, за немилого отдали,
Ох, лучше б в землю закопали.
Ох, раз-йй-йй-йй-йй-йй-йй-йй-йй.
Ох, убегу, маманя, в сосны,
Ох, съедят волки, горюй после!
Ох, раз-йй-йй-йй-йй-йй-йй-йй-йй [9].*

В связи с этим изменились действия главных лиц в этом фрагменте свадебной игры. Во время благословления дочери родителями, мать исполняет «плач» [так трактует эту песню местная тамада А.Н. Романенко 1946 г. р. из с. Таловка. – Авт.]. Налицо изменение традиционного свадебного обряда.

*«Когда только еще невесту нашу благословляют.
Благословила мама их, и плач невесты поётся. Невеста
плачет, а мама исполняет. Жених едет, а невесту
благословляют родители с иконой:*

– Благословляем тебя, дочка, в чужие люди.

*Сначала она спрашивает благословления. [Поют «Ой, гляну,
гляну в оконушко». Напев М.Н. Мордасовой, слова местных
жителей].*

*Ой, гляну, гляну в оконушко,
Ой, да все чужая сторонушка.
Ох, раз-йй-йй-йй-йй-йй-йй-йй-йй.
Ох, я наплачусь в пустой избе,
Ох, да по своей несчастной судьбе.
Ох, раз-йй-йй-йй-йй-йй-йй-йй-йй.*

– Ох, да папаша и мамаша,
Ох, да я теперь уж дочь не ваша.
Ох, раз-яй-яй-яй-яй-яй-яй-яй-яй-яй.
Ох, за немилото отдали,
Ох, да лучше б в зем(ы)лю закопали.
Ох, раз-яй-яй-яй-яй-яй-яй-яй-яй-яй.
– Ох, ты подружка, поверь в волю,
Ох, да я слезами полы мою.
Ох, раз-яй-яй-яй-яй-яй-яй-яй-яй-яй.
Ох, да родила меня мать волей,
Ох(ы), не дала мне счастья-доли.
Ох, раз-яй-яй-яй-яй-яй-яй-яй-яй-яй.
Ох, нет ни счастьяца, ни доли,
Ох, да ни в законе, ни в любви.
Ох, раз-яй-яй-яй-яй-яй-яй-яй-яй-яй.

Бабушки усядутся вокруг невесты и поют, а невеста плачет. Жалко расставаться с родимым домом. И вот все эти бабушки все эти песни поют жалобные. Поют «Цвели, цвели цветики» [1, с. Таловка].

Цвели, цвели цветики,
Цвели да опали.
Опадали цветики ды
На бол(и)ну головьюшку.
На больну головьюшку ды,
На русаю косынькю.
На русаю косынькю,
На алаю ленту.
На алаю лен(ы)тушку ды,
На сырую землю.
– Мы тебе, подружен(и)кя,
Давно говорили.
Жила б ты у батюшки
Тихо да и смирно.
Ходила б по горен(ы)ки,
Ты ба не скучала.
Золотыми ключиками да
Ты бы не грун(ы)чала.
Ивана в постелишку
В гости ты бы не звала.
Отца бы ты с матерью
Горя б ты не взводила.

Невесту благословляли мать с отцом иконой Божьей Матери.

«Божий Мать. Ну, подходили с хлебом, с солью. Также кланялись, цаловали икону, родителей. Отца и с его стороны, и с его. Когда жених пришел, тоже благословляли. Мать с отцом, когда встречали, тоже благословляли» [2, с. Гусёлка].

Приезд свадебного поезда. Поезжане во время движения пели свадебную песню «Не вьюн по реке», фрагмент которой вспомнили информаторы.

«Когда жених идёт за невестой, поют “Зятик у сеней”» [3, с. Дворянское].

Зятик у сеней, зятик у ворот
Увивается.
Он просит свою, он просит свою,
Свою суженую, свою ряженую.

Свадебный поезд красиво убирался: на конские дуги привязывали ленты и цветы. По приезде жениха его не пускали в дом. Проходил ритуал «выкупа ворот и всех дверей». Когда жених приезжал за невестой, ворота перед ним закрывали и не пускали в дом. Невесту охраняли, требовали выкуп за неё.

«Да, закрывали, не пускали. К невесте не пускали. По бокам сидят, продают невесту. Охраняют невесту.

– Мне давай сто рублей!

– Мне три рубля!

Матёрые становились продавать. Выкупили, отгуляли и к невесте в гости, как усватают. Купили эту невесту, всё, теперь она йих и яво. Теперь она переодевается. Первый день у жениха, второй день у невесте. На лошадях [увозили жениха и невесту. – Авт.] да вместе. Уберут лошадей с цвятами бумажными. На лошадей цветы надевали и на невесту тоже. “Монашка” называлась. Она была еще не замужем. На свадьбу много цветков делали. Когда у жениха сидят, всем цветки вяжут на голову, на платок и на грудь. А свахи ещё больше» [6, с. Гусёлка].

Жених и сопровождающие его лица откупались. Выкуп заканчивался **«разрезанием хлеба»**.

«На лошадях он едет за ней, он убирает лошадей всех, уцветами убирает и едет за невестой. Вот тогда он её выкупает. Просто цветы на дугах и ленты. Приезжает он, и его не пускают. Он с бутылкой, наливает. Вот его подружки-то и не пускают в дом, пока он всем нальет, та’да он пройдёт. И ставят на стол. И режут хлеб пополам. Хлеб на столе целый стоит, и он режет его, жених. Невесты,

подружки около её, своячине. Отрезалы кусок. Не он режет, а режет яво друг. Вот этот друг говорит: “Всё, ваша дочь отрезана”. Никому не отдаёт, они так и есть. Разрежет он хлеб и всё. Сваячине выпрашивают у него. За невесту он даёт, сколько она стоит. Просто это для приличия. Выкупает яво друг. Выкупили. Проходят, садятся. Потом выходят и едут в Совет регистрироваться. С этой стороны друг, а тут её своячини, и вот они идут вместе из дома. Садятся вместе, жених и невеста. Тогда было всё вместе. Ещё в телегу сели своячине, друг и больше никого нету. Родители не ездили, они едут одни. Родители готовят столы. Венчались после, как свадьба пройдёт. Ещё через неделю» [4, с. Гусёлка].

«Когда приходит жених, невесте дверь закрывают, запирают и стучат. [Поют песню «Нежданные гости»].

Нежданные гости. 2 раза.

Мы вас и не ждали. 2 раза.

Зачем приезжали? 2 раза.

Налей стакан водки. 2 раза.

Пересохла в глотки. 2 раза.

Жених идет с дружкой, а подружки не хотят невесту отдавать. А за столом сидит сестра или родственники, скалкой бьют.

– Не отдам сестру!

Ну, это обыгрывали, просто шутки шутили. Дверь не открывают жениху, пока он выкуп даст, а потом жениха пускают к невесте. В тогдашнее время со столом жених приведет невесту и ее сразу ведут где-нибудь их угощать. А тут компания и родные. Все гуляют и выводят молодых только на время “сыра”, а потом жених с невестой уединяются» [8, с. Соломатино].

«– Невеста у нас красивая больно! Ложи вот на каждый стол по десятке.

– Двести дали за место, триста – за невесту.

– Сто – за место, двести – за невесту! Триста – за косу, пятьсот – за красу.

Это выкуп невесты. Дети сидят, подружки по рукам бьют каталкой. А всякие денежки кидают и бумажные какие-ни’ть нарвут. Конфеток им кидают. По стакану подружкам поднесет, тогда подружки вылазиют со стола. Жених, потом невеста садится. А детвора набежали деньги считать, поделить. Когда он около невесты сел, невеста с ним поднялась, по стакану выпили. Свашка с дружкой

беруть за платочек, за уголки, за концы. Повела сваха, а крестная вперед них. Шубу надела наизнанку, чтоб не сглазили. Наизнанку шубу, задом выходит и метет дорожку перед ними. Она задом идет в шубе вверх ворсам. И повела она в калитку, в дверь. Тут идут молчаком. А каталкой по воротам тогда детвора, и взрослые по воротам, по столу чем попало, чтоб не возвращалась назад. Потом «дорожку глядят». А жених стоит уже начепуренный. Он поедет невесту выкупать, дружок с ним и свашка. И ребята тоже. Два друга. Все эта в пятницу. Они собираются и на лошадей сели, и поехали за невестой. А к невесте подъезжают, там допуску нету. Там их не запускают к невесте. Палками их все гонят, пока выпить не дадут. Эх, в дверь ломится жених, пока вот рюмку.

– По стакану поднесите, тогда!

Пока им по стакану не поднесут, они в избу и в дом не войдут. В дом они войдут, им надо сесть около невесты, чтоб первым заскочить. А около невесты сидят подружки ее, продают. Маленький домик. Дорогих гостей посадят, а остальные гости все стоят в коридоре, все в сенях и всех с чайника обносили рюмочки, всех, чтоб не пропустить. И все там кому-то хватила, кому-то не хватило. Всех старались обнести. И с чайником все понапивались. У свякрови со свёкром [жили молодые после свадьбы. – Авт.]. Они тогда уже думают, как отделить их. Надо же дом. Сами строили» [1, с. Таловка].

Когда подъезжал жених, звучала песня «Разъезжался Иван на коне».

Разъезжался как Иван(ы) на коне,
Разъезжался во перечна вороне ды.
Подъезжал он(ы) ко сосновым воротам(ы).
Конь ударил копытым (в)острым п' воротам ды.
С ворот досточки посыпалися да,
Свет-Настасьюшка спужалася да,
За подружек схоронила да.
– Вы, подружен(и)ки-голубушки мои ды,
Вы укройте, схороните меня да
От сударя, добра молодца.

«Потом “Разъезжался Иван-сударь на коне”, а потом, когда они зашли, выкуп тут, невесту выкупают. Он тут ей подарки всякие. Рюмочку подносили. Букет цветов [жених дарил невесте. – Авт.]. А тут сваха с хлебом, с солью пришла. И стол положила хлеб. От жениха хлеб-соль она принесла и эти хлеб-соль. И вот хлеб пополам режет, тот и этот. У невесты поменьше половинки соединяются, а у жениха

побольше две половинки соединяются, и женихова сватья забирает» [1, с. Таловка].

«Жених должен приехать скоро. Так же покупают, торгуются: “Сколько стоит невеста?” Сторговались и все. Жених забирает невесту. За руки взялись и пошли. Полотенце даже не было. Закрыты [двери, когда жених приезжал за невестой. – Авт.], не пускают. Деньги [просят. – Авт.]. “Дай сининьку! Дай с Ленинам! Дай мелочку!” Бросают сначала в рюмки. “Дай, накрой!” Ну, все. Тогда купил и продал. Жениха не пускают да тех пор, пока не выкупят. Сидят сестры, подружки, они просят.

– Нет, я ни отдам.

Сначала бросют копейки, а потом побольше в стакан. Три рубля, десять рублей – больше не было. Стучали. Скалками стучат.

– Давай деньги!

Кто еще и бутылку поставит.

Сели [после окончания выкупа. – Авт.]. Она рядом. По стопочке обнесли всем, и жених ведёт невесту. Молодым не наливают. Всем, кто там сидит. И поехали к жениху» [2, с. Гусёлка].

Дружка жениха вел молодых за полотенце и сажал их в сани.

«Он идёт невесту выкупать. Песни не пели никакие, идёт невесту выкупает. В дьярях стоят. В одних дьярях стоять с палками, с дубинками. В других дьярях. Он должен деньгами оделять. Водки наливать, конфетками. В дьярях стоят с палками. За стол не пустят.

– Денюжку давай!

Скалками стучали.

→ Давай, давай. Выкуп давай!

У кого какие деньги давал. А то договариваются:

– Вы уж здорово-т’ не просите. Нет денег.

Он забирает её. Тут выпили, и он сажает её и поехали в ЗАГС или куда вот. Раньше на лошадях ездили. Дружка, полдружка раньше были. За полотенце и ведут. Они на разных ехали. А потом уж сразу на одну сажали и в сельсовет. Вокруг телеги молодых обводили три раза. Идёт дружка с иконой впереди, а за полотенце вот он водит. Тогда садится и поехали. Пополом хлеб разрежут [когда к жениху приезжали. – Авт.] и уже говорят: “Как теперь нельзя соединить его, значит, и невеста теперь туда к себе домой не... Всё уж она теперь

тутошная”. На первый день вот к жениху как приходят» [7, с. Гусёлка].

Во время выкупа невесты накрывали праздничный стол, где все ложки были связаны нитками.

«Вот они подъехали – ворота закрывают. Со стороны невесты закрывают все ворота. Перетягивают, не пускают они. А потом, когда они подходят, первый дружка идёт, потом жених. Говоручие там. Сначала начинают с пяти копеек. Место выкупают невестино. Там подружка же сидит иль брат. Это место выкупили, уплатили они и забирают. Деньги тому, кто встал с этого места. Скалками стучат. Ложки нитками связаны. А вот ложки и закуску поставили, все ложки берёт один, а они связаны. Уже выкупили невесту, жених сидит, по стопочке вроде наливают, а закусывать ложку взял, а они все связаны. Молодым выпивки не давали, ни в коем случае. А кто сватья там эти сели, вот им-то там выпить. А невеста вообще не должна была есть до самого вечера. И потом вышли. Мы ведь не венчались, мы вышли, списались и всё» [5, с. Гусёлка].

С молодыми в церковь ехали сваты, друзья и подружки.

«Да д(е)ве подружки или кто там, сваха или сват. Лошадей убирали. Делали цветки из бумаги, и невеста на голову одевала таки’ же. Эта сейчас гофрированная, а тогда она была ровненькая, голубая, беленькая, всякая. Старушка-монашка все делала. У меня икона сделана из цветов. Жених с невестой пошли в сельсовет, взяли свидетельства. Мать рассказывала, церковь была» [2, с. Гусёлка].

«Дорожку гладить». Невесту с женихом уводила женихова родня, а невестина оставалась сидеть за столом.

«Невесту с женихом увели женихова родня, а невестина родня, ну, пока будет наряжаться к столу, к свахе идти, за столом садятся, что осталось.

– Садитесь, “дорожку гладьте”!

По стакану да по два, по сколько придется – и песняка. Соседей тогда всех приглашают.

– Садитесь, дорожку гладьте!

Чтоб им хорошая дорожка была!» [1, с. Таловка].

После отъезда свадебного поезда родители невесты оставались в доме, прибирались, угощали соседей и ждали приглашения на свадебный пир.

«А потом оттудава приходят за гостями. Да приходят, приглашают и идут уже туда. Молодые уже там. Приходят уже своячени, гостей приглашают и уже идут все к жениху. У жениха уже столы расставлены, молодые садятся в угол по две, по три стопки выпили, и начинаются дары. Кто что подарит» [2, с. Гусёлка].

По приезде из церкви на пороге дома жениха молодых встречали родители с обеих сторон и благословляли их.

«Встречают молодых с хлебом, с солью. Мать с отцом и хрёстная с хрёстной. У матери икона в руках. Они передают. Сначала мать, отец, а тада хрёстная с хрёстной. Цалавать икону, пацалавать мать. Пацалавать икону, отца. Первая невеста она ж приходит. У нас раньше хмелем посыпали. Как идут к жениху, сразу эти встречают, хмелем посыпают. За стол садятся, садятся вся родня. Раньше сажали сразу близких, хрёстну с хрёстной. С одной стороны, с другой. Дома справляли. Летом на улице» [7, с. Гусёлка].

«С хлебом, с солью встречают у нас, когда уже привозят жениха с невестой. Вот у жениха родители встречают с хлебом, с солью» [4, с. Гусёлка].

«Брачный», «Сырный» (дары). После одного из тостов молодым предлагали исполнить свой первый свадебный танец, после чего начинались дары.

«А тогда “брачный” называт’ся. Пляска у жениха с невестой, такая пляска у жениха идёт до “сырнова”. Поплясали, начинается “сырный”. Тоже жених: “Приглашенные, вставайте”. Ну, “сырные” дарят, как и сейчас же. Дарят всё. Сырные столы, когда дары дарят...

– Куда вы идёте?

– Мы идём нынче в сырные столы.

Как поднесут по две рюмки, а по третьей рюмке уже дары собирают.

– Дайте молодым нашим или телочку, или барашков парочку. Приговаривают и дарят. У кого что есть. Вот и дарят. А кто озорничат, голову завяжет: “Ой, наверное, уйду я, болею”. – Нет, нет, сиди, выкуп, выкуп теперь! Ну, так шутим» [3, с. Дворянское].

Одаривать молодых начинала женихова родня, следом шла невестина.

«Всё на столах стоит, всё открыто и начинаются дары. Всё по порядку. Сначала женихова родня, потом невестина родня. Сначала родители дарят. Ну, кто деньги. Корову иль овец дарят. Скотину дарят. Они сказали: “Я дарю вот тебе овицу иль корову”. Потом после они отберут, жених с невестой. Они же вместе не живут, отдельно. Вот им и скот дарят, и деньги дарят, большинство деньги. Это уже через неделю, когда они устроятся. Они не ходят, им приведут родители. Они ж молодые. Посуду дарят, что необходимо. Стоят молодые. С одной стороны тётка родная и с другой стороны. У них поднос и закуска. Они ж за столом дарят. “Чё вы подарили молодым?” Родители встают и говорят:

– Вот это мы подарили сыну столько-то денег или скотину...

– Вот это мы подарили дочери.

Родные ийхи, сёстры, братья подарили, а потом гости которые приглашённые. Дары закончились и начинают водку пить, всё тут, гулять и песни, и плясали. Припевки всякие, “Барыню” танцуют. Раньше танцевали “Кракавяк”, “Полечку”. Гармонь играет, вышел плясать и приговаривает. Частушки. Первый тост за жениха и невесту. Счастья желают им, чтоб жили хорошо, детишек столько. Дары прошли, больше никто ничё не говорит. Все пьют и дярутся» [4, с. Гусёлка].

«Дары обычно с жениховой стороны. Брат иль сестра, родственники близкие – вот они собирают. Один человек – с этой стороны, другой человек – с этой стороны. Так же стойку, закуску выпьют и дарят. Раньше что дарили: тапочки, босоножки, сто рублей. Я помню, дядя мне сто рублей дал. Сто рублей – большие деньги были. Другой дядя – овицу. Мне на свадьбу подарили пять овец. На другой же день привезли. Хозяева кто дарил, привезли к жениху. Сами привозят. Кто богаче живёт – по овечке дарили. Сейчас не подарят. Начинают плясать, танцевать, играть, петь. Потом опять садятся до тех пор, пока хорошие, иль ночь, у кого скотина. Ндо расходиться. Но завтра к невесте. Мои родители объявляли: “Завтра к нам все в гости”. Ну, к часам к десяти, к одиннадцати. Ну, обычно с утра. Потому что у нас побыли, а потом, у нас так принято, должен мой дядя приглашать к себе в гости. После обеда, если согласны. Вот у меня свадьба была. Там день, тут день отгуляли, и потом заявляет тётка моя и говорит: “Вот так. Вы жених с

невестой. Женихов' родня, гуляйте, как хотите, а мы, как знаем". Они и пошли с носом, потому, что невеста богатая была, а он бедный. Наши отгуляли, на другой день дядя приглашает всех: "Завтра в гости, но только невестина родня". У дяди побыли, тогда с полбутылычкой ко мне в гости. Тётка там иль двоюродная сестра: "Ко мне". И вот так пять дворов обойдут, идут гулять. И даже на третий день: "Завтра ко мне!". По три дня гуляли. А женихова родня пришли, у жениха побыли и дальше пошли, никто в гости не пригласил, они на нас так рассерчали. Так обиделись, им обидно стало» [2, с. Гусёлка].

Дары собирали крёстная с крёстным. Молодые всё время стояли и благодарили гостей за подарки. Счетоводы, назначенные для подсчета подаренного, считали, а потом оглашали общий список.

«Раньше-т' не дарили. Хрёстная с хрёстным собирают. У каво чё есть. Ну, хто платок, хто простынь, хто одеяла, хто веник, хто посуду. У кого чё есть, то и дарил. Хто ярку, хто гуся. Чё было, то и дарили. Были там корова иль две коровы, тёлка. Тёлку дарили ближние. Сначала мать с отцом жениха. Тада энта мать с отцом, тада хрёстная с хрёстнай. Потом может братья или тётки. Они стояли всё время. "Спасибо", "спасибо" всем говорили. Не пили тада, в первый день. Хто подарил – выпивали. Наливают стакан, выпивают. Закусывают, чё на тарелке. Помидоры, огурцы ставят. Пошли считать счетоводы. Попишут, потом придут, огласят. Этава столько, этава столько» [7, с. Гусёлка].

Ближе к вечеру невеста переодевалась в повседневную одежду.

«Она уже живёт у жениха, она уже домой не вертается. К вечеру она может переодеться. А пока свадьба идёт, она в платье свадебном. Потом в чё у неё есть» [4, с. Гусёлка].

Второй день. Утром приходили сваха и будила невесту с женихом. Простынь забирали. Искали невесту, а затем приглашали всех к невесте в дом. Накрывали на столы и продолжали гуляние.

«Приходила сваха или тётка его. Принесли мне платье, ему рубашку и пришли, за стол нас посадили. Не сами, а специальный человек приходил. На второй день утром за нами приходили. Простынь у меня забирали. Вот когда пришли сваха будить, у неё платочек там какой-то был.

Приходила подружка, когда уже одеваться мне. Двоюродная сестра и ещё подружка пришли. Штапельное платье делали. Венчанное нельзя отдавать. А фата была с обычной тюли» [5, с. Гусёлка].

«Утром приходили вот от невесты и будили жениха. На другой день ищут невесту. И они приходят. Невесту нашли, их угостят и всё. Своячине приходят, нашли невесту и всех гостей приглашают к невесте. Садят за столы и гуляют. Там уже всё накрыто. За счастье молодых» [4, с. Гусёлка].

Вечером заканчивали свадебный церемониал **«разбиванием горшков и тарелок»**.

«Да, это бьют. Эт' на другой день. Тарелки бьют. Для счастья что ль? Они у жениха. Вечером они обратно пошли к жениху. Всё, невеста живёт у жениха. Жених забирает её» [4, с. Гусёлка].

Жительница с. Гусёлка Рожкова Е.И. утверждает, что этого обрядового действия не было.

«Мне кажется, этого не было. Нет, ни тарелки, ни горшки, ничего у нас не было. Нет, эта сейчас после свадьбы стали подметать, а тогда этого не было» [2, с. Гусёлка].

В с. Соломатино на второй день участники свадьбы шли с флагами, с лентами от невесты к жениху в гости есть яичницу.

«Шли на яичницу от невесты к жениху. Шли яичницу йисть. На второй день. С флагами, с красными лентами за того, что честную взяли невесту» [8, с. Соломатино].

В с. Дворянское второй день свадьбы назывался «весёлым днём». Сваха от невесты с лентами шла к жениховой свахе, и уже вместе направлялись «на пирожки» к жениху.

«А наутро веселый день. От невесты сваха с лентами, одной лентой пер'поясана бежит одна к жениху за ихой свахой. Приходит, их там угощают. Теперь “на пирожки” идут к жениху, а один пирожок пьют с мукой. Теща: “Зять, вот этот пирожок съешь, вот этот”. Он ест, а там мука. Для шутки. Потом веселый день. Все бабы в цветках, в ленты. Поют “Расцвели цветы лазоревые”» [3, с. Дворянское].

Расцвели, расцвели цветы лазоревые,

Понесли духи малиновые.
Пахал Захар, пахал Захар огород, огород,
Нашей Вали под венки, под венки, под венки.

Вариант:

Ой, расцвяти, ой, расцвяти,
Расцвяти цветы лазоревые да,
Расцвяти цветы лазоревые.
Ой, понесли, ой, понесли,
Понесли духи малиновые да,
Понесли духи малиновые.
Ой, во лужьях, ой, во лужьях,
Вы лужьях, лужьях зелёная трава да,
Вы лужьях, лужьях зелёная трава.
Ой, уж я в той, ой, уж я в той,
Уж я в той траве выкормлю коня да,
Уж я в той траве выкормлю коня.
Ой, как пущу, ой, как пущу,
Как пущу я коня ворына да,
Как пущу я коня ворына.
– Ой, ты прими, ой, ты прими да,
Ты прими-ка коня, батюшка,
Ты прими-ка коня, родненькай.

На второй день свадебного гуляния были ряженые.

«Эта на второй день ряженые, В чём хочешь. Хулюганили мы здорово, наряжались и частушки на улице идёшь, и пляшешь – всё на свете» [1, с. Таловка].

Третий день. На третий день *«свадьбу тушили»*.

«А на третий день “свадьбу тушат”. Эт’ уж кто похмельиться, кто хочет на третий день свадьбы» [5, с. Гусёлка].

«Третий день – это похмелька. Уже не приходят. Гуляли в воскресенье, субботу, в выходные дни» [4, с. Гусёлка].

Первое воскресенье после свадьбы. В первое воскресенье после свадьбы невеста приглашала своих родственников.

«Идут к невесте. Невеста приглашает к себе в первое воскресенье. Тут одни родненькие и садятся гулять. То у невесты, потом опять назад к жениху. По два стаканчика поднесут. “Ой, гля! Поднесли по два стаканчика”. Поют “Плавала рюмочка”» [1, с. Таловка].

Плавала рюмочка этова меду,
Плавала серебряна этова.
Некому рюмочку эту перенять,
Некому серебряну эту пер'хватить.
Пер'хватил он рюмочку свет-Иван(ывна),
Пер'хватил серебряну свет-Васильевич.
Подавал он рюмочку свет-Настасьюшке,
Подавал серебряну свет-Ивановне.
– Выпей-ка рюмочку, выпей от меня,
Выпей-ка, любезная, всё радость моя.
Банку помады, бутылку духов.
Чаво не захватить – в Петербург пошлём.

Свадебные песни сельских жителей Камышинского района исполняются в определённые моменты свадебного действия. Утром в день венца звучат «Ой, ты яблочка раскудрявенькая», «Цвели, цвели цветики», во время благословления невесты на брак «Ты река ли, наша реченька», по ходу движения свадебного поезда/по приезде поезда в дом невесты – «Разъезжался Иван на коне», «Зятник у сеней», на выкупе невесты – «Плавала рюмочка», «Нежданные гости». Песня «Расцвели цветы лазоревые» звучит на второй день.

Ой, ты яблычка раскудрявенькая,
Я садила я тебя, поливала я тебя.
Не видали ни кустов, ни листов,
Ни кустика, ни листика,
Ни садова яблочка.
Ни садово, ни мядово, ни анисово.
Мать по горенке ходила,
Всё похаживала.
Свою дочку Машу отдавала
И побоживала.
– Вставай, моя доченька, ранёхунька,
Умывайся ты, моя доченька, чистёханька.

Отметим, что поэтические тексты свадебных причитаний невесты в свадебной игре жителей Камышинского муниципального района Волгоградской области более объёмны, нежели в других муниципальных образованиях; впервые встречается местная терминология названия свадебного пира («брачный», «сырный»); обязательная атрибуция сватовства – садиться под деревянный брус-«матку» – зафиксирована повсеместно; на посиделках подружки невесты каждый день заплетают ей косы; привнесение в свадебный обряд элементов казачьей свадебной игры (хождение участников свадьбы на второй день с флагами и лентами от невесты к жениху в гости есть яичницу).

Примечания

1. Инф. Костикова Т.М., Шарикова Т.Г., Горюнова Т.В., Романенко А.Н. С. Таловка Камышинского муниципального района. Полевая запись [Далее – ПЗ]

- Бахваловой В.А., Крутяковой Т., Буханцовой А., Ларионова Б. 14 сентября 2006 г.
2. Инф. Рожкова Е.И. С. Гусёлка Камышинского района. Полевая запись автора 16 сентября 2006 г.
 3. Инф. Вытова В.Ф. С. Дворянское Камышинского района. ПЗ Бахваловой В.А., Крутяковой Т., Буханцовой А., Ларионова Б. 16 сентября 2006 г.
 4. Инф. Копылова Е.П. С. Гусёлка. ПЗА 16 сентября 2006 г.
 5. Инф. Котельникова Т.В., Воронова Л.И. С. Гусёлка. ПЗА 16 сентября 2006 г.
 6. Инф. Ефимова А.В. С. Гусёлка. ПЗА 16 сентября 2006 г.
 7. Инф. Паненко М.П., Аршинова А.И. С. Гусёлка. ПЗА 16 сентября 2006 г.
 8. Инф. Котломина В.Е., Курдина А.П. С. Соломатино Камышинского района. ПЗ Бахваловой В.А., Кальнова В.В. 14 сентября 2006 г.
 9. Страндания. Слова и музыка М.Н. Мордасовой. Обработка мелодии И. Руденко // Русские народные песни и частушки, записанные от М.Н. Мордасовой / Сост. М.Н. Мордасова. – М.: «Советский композитор», 1983. – С. 85–86.

ГБУК «ВОЛДЕН»